

—

Сюй Шуньхэ тихо сказал:

— Спи, днем можешь не вставать. Там всего ничего работы, я и один справлюсь.

Ян Цзяшэн внезапно выкрикнул:

— Я не уволюсь!

Сюй Шуньхэ аж вздрогнул от неожиданности.

Ян Цзяшэн открыл глаза и принялся шарить вокруг в поисках своего телефона:

— Где мой телефон? Мне надо позвонить! Где мой телефон?

С пьяным человеком спорить бесполезно, поэтому Сюй Шуньхэ пришлось протянуть аппарат Ян Цзяшэну, но, опасаясь, как бы тот не набрал кому не следует, он спросил:

— Кому ты собрался звонить?

— Матери, — ответил Ян Цзяшэн.

— И что ты ей скажешь? — спросил Сюй Шуньхэ, присаживаясь на корточки у края кровати.

— Скажу, что не уволюсь! — прокричал Ян Цзяшэн. — С чего это я должен увольняться?! Мне здесь хорошо живется!

Сюй Шуньхэ едва не рассмеялся и принялся его утешать:

— Сначала поспи, а как проснешься — поговорим. Сейчас спешить некуда, к тому же телефон разрядился, я поставлю его на зарядку.

На самом деле, если бы Ян Цзяшэн действительно захотел уйти, Сюй Шуньхэ бы не сердился. Зарплата в лавке баоцзы и впрямь была невысокой: вставать нужно рано, и хоть работа не слишком тяжелая, но в день набегают добрых шесть-семь часов работы без выходных. Поэтому на такое место долго не могли никого найти, а уж молодых и сильных парней — и подавно; обычно приходили женщины в возрасте. Эти тетушки были привычны к труду: спозаранку работали в лавке, а после закрытия возвращались домой и тянули на себе огромный воз домашних дел, заботясь о семье.

Найти за три тысячи юаней такого трудолюбивого, послушного и сильного Ян Цзяшэна было большой удачей. Сюй Шуньхэ понимал недовольство его семьи. В конце концов, молодой и здоровый мужчина получает всего три тысячи в месяц, когда семье позарез нужны деньги — конечно, они будут недовольны. Но вот так решать за Ян Цзяшэна, игнорируя его волю и пытаясь уволить его за его спиной...

Сюй Шуньхэ вздохнул: непросто приходится этому парню.

— Телефон! — внезапно снова выкрикнул Ян Цзяшэн.

— Да что же это такое?! Спи уже давай! — приструнил его Сюй Шуньхэ.

Ян Цзяшэн резко сел, открыл глаза и невнятно забормотал:

— Обед... сколько стоил? Я... я переведу тебе, ты не должен платить! Это же мой земляк!

Сюй Шуньхэ не выдержал и рассмеялся:

— Спи спокойно, сколько там тот обед стоил, меньше забивай себе голову.

Ян Цзяшэн не слушал: он схватил стоящий на зарядке телефон, разблокировал его, что-то быстро натянул и снова завалился спать. В кармане у Сюй Шуньхэ раздалось «динь».

Сюй Шуньхэ достал телефон:

— Не надо мне ничего переводить, я же сказал, что это всего лишь небольшая сумма.....

10 000.00

YANG инициировал перевод

Сюй Шуньхэ осекся.

Он внимательно пересчитал нули три раза, подозревая, что ошибся.

Сюй Шуньхэ не выдержал, принялся трясти Ян Цзяшэна, чтобы тот проснулся, и отобрал у него телефон.

— С ума сошел, парень?! Стоило немного выпить, и начал творить черт-те что! Посмотри сам, сколько ты перевел! Чтобы больше ни капли в рот не брал, с такими замашками тебя по пьяни мигом оберут до нитки!

Ян Цзяшэн отдал телефон и, не открывая глаз, пробормотал:

— За обед... и за выпивку... два ящика пива...

Сюй Шуньхэ так и подмывало дать ему подзатыльник:

— Телефон я пока заберу себе, а то не ровен час разбазаришь всё свое добро случайными переводами.

Ян Цзяшэн вцепился рукой в край одежды Сюй Шуньхэ и, лежа на бамбуковой циновке, заканючил:

— Гэ, гэ, забери их... тебе деньги непросто даются...

Сюй Шуньхэ аж перекошило от смеха: парень, зарабатывающий три тысячи в месяц, переживает, что его боссу деньги даются нелегко?

— О себе сначала позаботься.

Ян Цзяшэн не отпускал:

— Мне... мне же не надо платить за аренду лавки...

Сюй Шуньхэ и не ожидал, что слова, брошенные им вскользь в разговоре с Ян Гочжуаном, так врежутся Ян Цзяшэну в память. Он беспомощно покачал головой:

— Если я сказал, что много не заработаешь, ты и впрямь поверил, что я в убыток работаю? Зачем бы я тогда открывал эту лавку баоцзы? Благотворительностью заниматься? Ну и дуралей.

Как ни крути, а он всё-таки восемнадцатилетний мальчишка. Те слова, которыми Сюй Шуньхэ просто морочил голову Ян Гочжуану, Ян Цзяшэн принял за чистую монету. Перед чужаками, само собой, всегда скажешь, что заработок невелик.

Сам пашет тридцать дней в месяц за три тысячи и при этом беспокоится, что хозяину деньги тяжело достаются.

Этот ребенок до того наивен, что дальше некуда, а родные еще называют его неблагодарным волчонком.

—

<http://bllate.org/book/17131/1601975>